

ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ УКРАИНЕ

Анализируются предпосылки формирования политической нации в Украине, а также препятствия формирования. Автор утверждает, что в Украине формируется этнонациональное сообщество. В статье рассмотрены основные факторы, влияющие на формирование этнонационального сообщества, такие как негативизация образа России и представление о построении собственной государственности вопреки сначала имперскому, потом советскому влиянию, унитаризм, угрожающий внутренней стабильности, а также территориальной целостности.

Ключевые слова: политическая нация, этнокультурное сообщество, гражданское общество.

K. Kuznetsova

FORMING POLITICAL NATION IN THE CONTEMPORARY UKRAINE.

The paper analyses preconditions and obstacles of forming political nation in the Ukraine. The author asserts that an ethnonational community is formed in the Ukraine. The paper views the factors, which have an influence on forming ethnonational community: deterioration of the image of Russia and notion of construction state system regardless of imperial and soviet influence, unitarian state structure, threatening inner life and territorial integrity.

Keywords: political nation, ethno cultural community, civil society.

Идея нации объединяет общество, легитимирует новый политический режим, поэтому

для постсоветских государств остаётся приоритетом построение политической нации.

Весьма сложно на данном этапе постсоветским государствам построить политическую нацию (гражданское сообщество). Чаще всего усилия нациостроительства ведут к формированию этнокультурного сообщества. В. Тишков пишет о функциях гражданского сообщества: «Наряду с гимном и гербом, метафора нации служит символом в утилитарных целях достижения консолидации и общей лояльности населения государства. Общая гражданская идентичность, которая достигается через понятие нации, не менее важна для государства, чем конституция, общие правовые нормы и охраняемые границы... Поэтому каждое государство прилагает усилия для утверждения общеразделяемого чувства принадлежности к государству не только через оформление правовой связи и обязательств между бюрократией и гражданином, но и через эмоциональную лояльность или привязанность ("любовь к родине – стране и т. п.")... В одних государствах существует огромное расовое, этническое и религиозное разнообразие или же резкие регионально-территориальные различия без интенсивных взаимных связей, но довольно успешно функционирует на элитном и даже на массовом уровне миф о единой нации» [10].

Образ украинской нации варьируется в зависимости от акторов, которые намерены его конструировать. Весьма важен языковой вопрос, а также в целом проблема русскоязычного населения Украины. На политическом поле Украины представлено множество вариантов решения данной проблемы: от признания статуса второго государственного языка за русским до депортации в Россию или некоего обмена русскоязычного населения.

Ещё во времена правления Л. Кучмы Украина предпринимала меры для приближения своего законодательства в языковом вопросе к европейскому. В декабре 1999 г. Конституционный суд Украины в ответ на запрос группы депутатов парламента вынес

решение относительно толкования статьи 10 Основного закона, касающегося использования языков. Украинский язык, говорится в решении, является обязательным средством общения для должностных лиц органов государственной власти и местного самоуправления Украины при выполнении ими полномочий и в публичных сферах общественной жизни, а также в делопроизводстве. Местные власти и органы местного самоуправления в делопроизводстве наряду с государственным (украинским) могут использовать русский и другие языки национальных меньшинств «...в пределах и порядке, определенном законами Украины». Конституционный суд решил, что языком обучения в дошкольных, общеобразовательных средних, профессионально-технических и высших государственных и коммунальных учебных заведениях Украины является украинский язык, однако в учебном процессе в этих заведениях могут применяться и изучаться также языки национальных меньшинств. 24 декабря 1999 г. парламент принял Закон «О ратификации Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств». Отклонив проект администрации президента, парламент принял закон в варианте, подготовленном группой народных депутатов. В нем предусмотрен механизм применения к языкам 13 национальностей: русских, евреев, белорусов, молдаван, румын, крымских татар, болгар, поляков, венгров, греков, немцев, гагаузов и словаков. Но в случае, если численность какой-либо из них в пределах определенной административно-территориальной единицы составляет более 20% высших из имеющихся в этом международном документе обязательств, их языки превращаются в официальные, функционирующие во всех сферах общественной жизни наравне с государственным языком. Предусматривается обеспечение «существенной части» дошкольного, начального, среднего и профессионально-технического образования на языках соот-

ветствующих меньшинств и изучение их языков в системе высшего образования как отдельных дисциплин, а не получение образования полностью на языках данных меньшинств, как в первом случае. Значительно возрастают возможности использования этих языков также в ситуации, когда численность соответствующих меньшинств в пределах административно-территориальной единицы не превышает 10%. Преподавание на соответствующих языках или их изучение в этом случае вводится по желанию родителей и при условии достаточного количества детей из числа данных меньшинств. Согласно закону, русский язык фактически приобретает статус второго государственного (официального) в Автономной республике Крым, семи областях, гг. Киеве и Севастополе, значительно расширяет свои права еще в четырех областях. Фактически статус официального языка приобретают в ряде районов Черновицкой области румынский, Одесской области – болгарский, Закарпатья – венгерский. Крымский парламент, органы местного самоуправления «... могут устанавливать и более благоприятные, чем в этом Законе, условия функционирования региональных языков или языков меньшинств». Эксперты отмечают, что содержание пункта 5 закона («не допускается сокращение сети образовательных, культурных и других учреждений, в функционировании которых используются языки национальных меньшинств») в условиях специфической этноязыковой ситуации в Украине блокирует выполнение государственным языком своих функций в регионах, где господствующее положение ныне занимают языки национальных меньшинств. Хотя в Законе и указано, что меры, направленные на утверждение украинского языка как государственного «не считаются такими, которые препятствуют или создают угрозу сохранению или развитию русского языка и языков других национальных меньшинств», данный закон фактически противоречит конституционному положению

о государственности украинского языка и функционировании его «во всех сферах общественной жизни на всей территории Украины». Поэтому указав на противоречие данного закона Конституции Украины, президент вернул его на повторное рассмотрение парламентом. В итоге Хартия была ратифицирована только в 2003 г. и закрепила за русским языком статус языка национального меньшинства. Законодательная деятельность в отношении языковой проблемы подкреплена и реальными действиями: за последнее десятилетие произошло существенное сокращение образовательных и книгоиздательских программ на иностранных языках (на русском языке). Наличие общего языка является объединяющим фактором: «... господствующая нация всегда демонстрирует активное неприятие иных языков и диалектов, и если терпит их, то отводит им роль внутрисемейного общения или религиозного культа» [9, с. 172]. Вполне возможно, что практика мультикультурализма (в форме официального билингвизма) по примеру Канады будет весьма полезна для украинского общества.

Весьма велика роль интеллектуальной элиты в поддержании националистического дискурса. Жан-Пьер-П. Фай выделил феномен и назвал его «эффект Мабли» – влияние исторического повествования на представления об истории [6, с. 55]. Историк является сторонником определенной концепции, в зависимости от её содержания он приводит одни факты, и оставляет «за кадром» другие. Тем самым он не просто пишет историю, он её создает.

Важнейшей задачей стало отмежевание от империи – Российской империи и Советского Союза как наследника. Влияние множества факторов внутри и вне Украины привело к усилению так называемого «имперского дискурса». Непростые внешнеполитические отношения между Украиной и Россией, попытки пересмотра решения по Крыму, проблемы русскоязычного населения в Украине, дрейф Украины в сторону

вестернизации – эти факторы оказывали воздействие на работу историографов. По мнению Г. Касьянова, новая история Украины написана вполне в стиле «стандартного варианта национальных историй в контексте формирования наций на постсоветском пространстве» [3, с. 88]. Автор рассуждает о причинах данного феномена и приходит к выводу, что «имперские сюжеты украинской истории, как правило, затрагиваются в контексте национального строительства и служат иллюстрацией тезиса о внешних факторах, мешавших этому строительству» [3, с. 89]. Процесс национализма накладывает определенные обязательства на историков, в их задаче появляется ещё один компонент – ревизия прежней исторической традиции («имперской») с целью доказательства раннего существования конкретной нации, которую империя подчинила и пыталась насильственно ассимилировать, но нации удалось отделиться. Представление об идеальной нации (о продукте, о цели национализма) переносится в глубокое прошлое. В соответствии с постсоветскими («постколониальными») канонами истории нация в течение многих веков подвергалась интенсивному воздействию со стороны Российской империи, затем – Габсбургской империи, то есть всегда присутствует негативное влияние* «большого брата». Так как государственный заказ свободно артикулируется, современная история Украины получила две основные черты – линейность и этноцентричность.

«Формирование “украинской” идентичности не было процессом отделения чего-то уже существующего, но “придавленного”, от идентичности имперской (которая также периодически переживала метаморфозы) – это было именно постепенное становление, серия заимствований, “изобретение традиций”, перекомпоновки и переосмысления новосозданных элементов, перекраивание рудиментов старых идентичностей (вспомним хотя бы о “казацком мифе” или о пере-

осмыслении сведений об элементах территориальной и правовой автономии украинских земель)» [3, с. 105].

Существует несколько центров влияния на деятельность украинских историков и историографию в целом. Это украинская диаспора, затем вклад эмигрантов, произведения которых массово переиздавались в Украине с начала 1990-х годов. Ревизия истории, плоды которой появляются в школьных и вузовских учебниках, характеризуется одной из наиболее часто упоминаемых версий положения Украины в империи: статус колонии внутри Российской империи (Советского Союза как преемника). В рамках данной трактовки рассматриваются все последствия колониального существования, негативно повлиявшие на украинскую нацию: «денационализация элит», русификация, эксплуатация природных и людских ресурсов, уничтожение интеллигенции и крестьянства, «голодомор». Переосмысляя имперское прошлое, украинские историки анализируют также и влияние другой империи – Габсбургской. Её колониальная политика оценивается тоже негативно, но не так, как политика Российской империи. Вполне возможно, такая оценка вызвана географическим положением Габсбургов – «западное», более «прогрессивное» по сравнению с «восточными» деспотичными Романовыми.

«В середине – второй половине 1990-х годов в учебной литературе по украинской истории вполне определенно сложился идеологический базис этнозащитного национализма» [2, с. 126]. Базис данного этнонационализма – неприятие России, совместной истории, и советской истории в особенности. Фактически это означает формирование образа врага в лице России, и в частности русских как этнической группы, несущей ответственность за долгий путь украинцев к государственности. Основной акцент делается на становлении из глубины веков отдельной украинской нации, в большей степени вопреки россий-

ской и советской воле. Борьба за государственность становится основной идеей, достижение суверенитета – главная цель, которая достигнута многовековой борьбой в 1991 году. Но утверждение суверенитета на бумаге подчас значит не так много для граждан государства. Необходимо утвердить в сознании граждан их особенность, отличительные черты. Ведь не стали же все в одночасье после 8 декабря 1991 года «украинцами», вместо «советских граждан». По этой причине с начала 1990-х годов и поныне официальная украинская историография занята обоснованием существования украинской политической нации. Украина как политическое сообщество должна была обзавестись вполне определёнными характерными особенностями, которые отличали бы её от других, весьма близких сообществ. Конструирование образа врага – это средство, с помощью которого можно показать отличия.

В учебных пособиях для усиления восприятия негативного влияния России появляются особые разделы под названием «Русификация» [2, с. 127]. Смешение наций, искусственное увеличение русского населения в Украине и вмешательство в духовную жизнь украинцев – это основные составляющие русификации. Весьма показательна история с намеренным усилением дискурса «голодомора». Согласно новой украинской версии этого страшного события, от голода умирал именно украинский народ, а на его место заселялись русские. Получается, что русские во время голодомора не страдали, более того, извлекли впоследствии выгоду. Политизация трагедии голодомора проявляется в публичной деятельности властей, которые подкрепляются историческими разработками. В 2007 г. вышла книга ведущего сотрудника Института истории Национальной академии наук С. В. Кульчицкого «Почему он нас уничтожил». В ней есть эпитафия, принадлежащий заведующей кафедры украинистики Римского университета «Ла Сапьенца» О. Пах-

левской: «Почему Сталин уничтожил Украину – один из ключевых вопросов прежде всего русской истории. Пока россияне не признают Голодомор геноцидом – как это сделали немцы с Холокостом, их страна никогда не станет демократической. А растущая дистанция между Россией и Европой станет пропастью». В. Кондрашин, исследуя доводы сторонников теории «геноцида голодомором» и их противников, а также на основе собственного исследования ситуации в СССР 1932–1933, пришёл к выводу, что «голод 1932–1933 годов не выбирал народы, геноцида отдельно взятого украинского народа не существует. По вине тогдашнего руководства СССР страшная беда обрушилась на украинцев, русских и другие народы страны. Голод 1932–1933 годов – трагедия всей советской деревни, которая должна не разъединять, а объединять пострадавшие от неё народы бывшего Советского Союза» [4, с. 144].

Пример современной украинской истории довольно типичен на постсоветском пространстве. Нациостроительство в Украине идёт с вытеснением, отрицанием и ксенофобскими проявлениями по отношению к другим этническим группам, не являющимся государствообразующими. Формирование образа врага в лице России и русских приводит к тому, что весьма внушительная часть украинского общества является ненужной, и даже опасной. «Искусственно провоцируя конфронтацию, это обесценивает и подрывает идущие снизу, глубинные процессы консолидации в Украине политической нации – не как солидарной общности всех этнических украинцев, противостоящей меньшинствам, а нации полиэтнической и поликультурной, как действительного единения всех граждан Украины, основанного на осознании ими общности исторической судьбы, интересов, равенстве прав и ответственности за будущее страны» [7].

Украина является полиэтническим государством. Сознательное повышение статуса одной этнической группы за счёт пораже-

ния в правах другой этнической группы ведёт к обострению межэтнических отношений в украинском обществе и затрудняет появление гражданского общества.

Существует другая точка зрения на процесс гражданской консолидации в Украине. Е. Велешко пишет о влиянии «оранжевой революции» на нациостроительство в Украине: «Акция гражданского неповиновения привела к сдвигу в общественном сознании. Политики осознали, что на площади уже стояла не толпа, не электорат, а украинский народ. Сегодня есть все основания говорить о росте политического сознания народа, о формировании гражданского общества и политической нации на Украине» [1, с. 416].

С точки зрения построения нации, существуют два радикальных направления:

1. На конституционном уровне – уточнить сложный состав общества, закрепив полиэтничность и поликонфессиональность.

2. На конституционном уровне – закрепить за определенной группой положение «коренной», признав право данной группы на некоторые преференции, и поражение в правах других групп, проживающих в государстве.

В условиях либеральной демократии нация предстает как сообщество, в основании которого лежит принцип общего управления. В условиях национального авторитаризма нацию понимают как сообщество, в основе которого – вера в общее происхождение [6, с. 143]. В условиях национального авторитаризма гражданское общество не имеет возможности вырасти. Общество целиком понимается как нация, нация является целостной и сплоченной, и неотделимой от самого государства. Если государство и нация неотделимы, то интересы у них совпадают. Гражданское общество отделено от государства, и зачастую его действия направлены против государственной воли, поэтому сформироваться в националистическом государстве оно не сможет.

Унитаризм, закреплённый конституцией, несёт угрозу стабильности и территориаль-

ной целостности Украины. Не имея возможности представительства на местном уровне, население территорий вынуждено вступать в конкурентную борьбу за власть над всем регионом. «Украинская ситуация парадоксальна – последовательное стремление власти консолидировать многонациональное население для формирования единой украинской нации приводит к политической дестабилизации, к усилению межнациональных противоречий и к угрозам территориальной целостности страны» [5, с. 82]. Унитарный принцип не является для Украины приемлемым по причине культурного и этнического многообразия её регионов. Федерализм по германскому примеру мог бы сгладить фрагментацию и снизить угрозу территориальной целостности.

Анализируя процесс построения политической нации в Украине на 2008 г., А. Миллер [7] приходит к выводу, что влияние таких факторов, как усиление украинизации, дискурс голодомора, героизация УПА и её командиров, привело к формированию устойчивого курса на «нацию-государство», но не на «государство-нацию». Угроза ирредентизма со стороны России как раз была реакцией на проводимую в Украине политику. Впрочем, А. Миллер не оправдывает этим фактом действия России. Чтобы перейти к «государству – нации», необходимо признать существование других культур на территории государства, повысить статус русского языка до второго государственного и отказаться от главенствующей роли украинской культуры.

Формированию политической нации в Украине препятствуют несколько факторов: политика этнонационализма, утверждение за украинским языком статуса государственного, курс на отмежевание от совместного имперского и советского прошлого, негативизация образа России и русских, нарастание дискурса голодомора (установление памятника, акция «свеча в окне») – это инструменты построения этнокультурного сообщества.

ПРИМЕЧАНИЯ

* А так ли влияние негативно на самом деле? Некоторые ученые вполне убедительно считают «имперское заточение» катализатором для формирования наций. Данной точки зрения придерживается А. Миллер, Г. Касьянов, В. Шандра, впервые же эту идею высказал А. Марковиц.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Велешко Е.* Украина // Этническая ситуация и конфликты в государствах СНГ и Балтии / Под ред. В. Тишкова, Е. Филипповой. М., 2006. 462 с.
2. *Гузенкова Т.* Этнонациональные проблемы в учебниках по истории // Национальные истории в советском и постсоветском государствах / Под ред. К. Аймермахера, Г. Бордюгова М., 1999. 445 с.
3. *Касьянов Г.* «Пикник на обочине»: осмысление имперского прошлого // Новая имперская история постсоветского пространства / Ред и сост. И. Герасимов, С. Глебов, А. Каплуновский, И. Могильнер, А. Семенов. Казань, 2004. 656 с.
4. *Кондрашин В.* Голод 1932–1933 годов. Трагедия советской деревни или «геноцид» народов Украины? // Свободная мысль. 2008. № 12. С. 145–161.
5. *Коптив Д.* Федеративная республика Украина // Восстание меньшинств: Косово, Молдавия, Украина, Грузия, Курдистан / Сб. информационного агентства Regnum. М., 2006. 176 с.
6. *Малахов В.* Национализм как политическая идеология. М.: КДУ, 2005. 315 с.
7. *Миллер А.* Государство и нация в Украине после 2004 г.: Анализ и попытка прогноза // Политическая наука, 2008. № 4. С. 109–124.
8. *Попик В.* Консолидация нации и проблемы трансформации исторического сознания http://www.niurr.gov.ua/ukr/dialog_1999/Popyk.html.
9. *Сидорина Т., Полянников Т.* Национализм. Теории и политическая история. М., 2006. 356 с.
10. *Тишков В.* Забыть о нации (Постнационалистическое понимание национализма) // Вопросы философии. 1998. № 9. С. 3–26.

REFERENCES

1. *Veleshko E.* Ukraine // Etnicheskaja situacija i konfliktki v gosudarstvah SNG i Baltii / Pod red. V. Tishkova, E. Fillipovoj M., 2006. 462 s.
2. *Guzenkova T.* Etnonacional'nye problemy v uchebnikah po istorii // Nacional'nye istorii v sovetskom i postsovetskom gosudarstvah / Pod red. K. Ajmermahera, G. Bordjugova. M., 1999. 445 s.
3. *Kas'janov G.* «Piknik na obochine»: osmyslenie imperskogo proshlogo. // Novaja imperskaja istorija postsovetskogo prostranstva / Red i sost. I. Gerasimov, S. Glebov, A. Kaplunovskij, I. Mogil'ner, A. Semenov. Kazan', 2004. 656 s.
4. *Kondrashin V.* Golod 1932–1933 godov. Tragedija sovetskoj derevni ili «genocid» narodov Ukrainy? // Svobodnaja mysl'. 2008. № 12. S. 145–161.
5. *Koptiv D.* Federativnaja respublika Ukraina // Vosstanie men'shinstv: Kosovo, Moldavija, Ukraina, Gruzija, Kurdistan / Sb. informacionnogo agentstva Regnum M., 2006. 176 s.
6. *Malahov V.* Nacionalizm kak politicheskaja ideologija. M.: KDU, 2005. 315 s.
7. *Miller A.* Gosudarstvo i nacija v Ukraine posle 2004 g.: Analiz i popytka prognoza Politicheskaja nauka, 2008. № 4. S. 109–124.
8. *Popik V.* Konsolidacija nacji i problemy transformacii istoricheskogo soznaniija http://www.niurr.gov.ua/ukr/dialog_1999/Popyk.html.
9. *Sidorina T., Poljannikov T.* Nacionalizm. Teorii i politicheskaja istorija. M., 2006. 356 s.
10. *Tishkov V.* Zabyt' o nacji (Postnacionalisticheskoe ponimanie nacionalizma) // Voprosy filosofii. 1998. № 9. S. 3–26.